

такие же многокрасочные картины, посвятив их, скажем, *тройке* или *четверке*.

Христианский смысл *триады* достаточно известен. *Тетрада* же — это гностицистский открытый вариант *троицы*, переходящей в *четверицу*. Причем совсем не безразлично, что прибавлено к *троице* — *богоматерь* или же *Люцифер*. *Четыре начала, четыре стороны света, четвероевангелие: 3+1*. Числа 7, 3 и 4 порождают всевозможные сочетания, образуя и другие *магические числа*. *Магическое число* — в некотором роде архетипическая полирегиональная реальность, требующая каждый раз конкретно-исторического прочтения, упраздняемого в теории систем, многообещающей в иных областях и дающей уже сейчас конструктивные результаты (Летняя школа по вторичным моделирующим системам, 1968, III, с. 103—105; 120, 124, 128 и сл.).

Если умножить три на четыре, как мы это уже видели у *Августина*, то это означает, что мы пропитаем материю духом. Простым умножением достигается магический эффект единения духа и плоти. Просто и незатейливо. Магико-алхимический акт, вплетенный в патристику даже на самых ранних ее этапах, заземляет патристическую духовность, приспособивая ее к делу. И все же официальное средневековье обращается к числу с иными, нежели алхимия, целями. *Дантово магическое число* — скорее знак-знамение, нежели инструмент магического воздействия. *Три части, тридцать три песни* (в *Аде тридцать четыре*, всего 100 или 102 — число окончательного совершенства). Число выступает как мера одного и того же. Грехи в *Аде* распределены по кругам и рвам с соответствующими порядковыми номерами. Однако, по остроумному замечанию Ю. М. Лотмана, грехи у *Данте* — это не разные грехи, а один, неделимый и недробимый, взятый лишь в той или иной степени, чтобы встать в моральную деградирующую (или восходящую) иерархию человеческих поступков-проступков. Многообразие качеств, отягощенное числом, обращивается количественной степенью одного качества. Изоморфность числа — изоморфность средневековой картины мира. Число здесь выступает как явление метафизической математики, но м а т е м а т и к и, ибо указывает на меру и отношение. Две встречи *Данте* с *Бeatриче* в «*Новой жизни*» приходится на два значимых возрастных момента ее жизни: *девять лет* и *восемнадцать лет*. 9 — это утроенная троичность; 18 — удвоенная утроенная троичность. Троичное ощущение бытия в фокусе *Троицы*. Число как знак-знамение.

Согласно Лотману, число — универсальный символ культуры, а не только ее элемент. Верно. Но в средневековой культуре это не только и не столько символ. Это математизированный идеал, к которому стремятся иные не столь идеальные числовые абстракции: *двойка* к *тройке*, *тройка* — к *четверке*, все вместе — к *девятке* как абсолютной утроенности. Сама же *девятка* замечательна тем, что она, по мысли Аверинцева, еще не *десять*. Но в то же время она почти *десять*²⁶.

²⁶ 10 — совершеннейшее космическое число, снимающее хаотический беспорядок *Ада* и земного мира вещей — *Эмпирей Дантова Рая*, символ вселенской гармонии.